

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

раздел **ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ.**

УДК 930
ББК 63

ВЕРХОВНЫЙ БОГ ДРЕВНИХ КЕЛЬТОВ.

Широкова Н.С.*

Самым полным свидетельством античности о религии древних кельтов вообще и об их великих богах в частности является известное сообщение Цезаря (Caes. B. G., VI, 17). Несмотря на осторожное, а часто критическое отношение к этому свидетельству, все современные исследователи отталкиваются именно от него, начиная знакомство с кельтскими божествами. Поступая таким же образом, приведем это свидетельство целиком: «Из всех богов они более всего почитают Меркурия, изображения которого наиболее многочисленны. Они считают его изобретателем всех искусств, покровителем дорог и путешествий, а также считают, что он имеет величайшее влияние при получении прибыли в торговле. После него почитают Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. О них они имеют почти то же мнение, что и другие народы: Аполлон отвращает болезни, Минерва передает начатки ремесел и искусств, Юпитер царит на небесах, Марс главенствует в войнах». К этому свидетельству Цезарь добавляет в следующей главе свидетельство что, по мнению галлов, они происходят от Диспатера и что такова традиция друидов.

В свидетельстве Цезаря сразу же бросаются в глаза свойственные ему ясность и точность, которые характерны для римского строя мысли и восприятия мира и не свойственны менталитету кельтов с их склонностью к мечте и фантазии. Сохранившиеся источники по кельтской религиозно-мифологической традиции (посвятительные надписи и скульптурные памятники, происходящие из римской Галлии, литературная традиция островных кельтов) образуют сложное переплетение разнородных элементов, имеющее мало сходства с четкой классификацией Цезаря. Цезарь не только приписывает кельтским богам римские имена в соответствии с общей практикой античного мира (греки и римляне поступали таким же образом и по отношению к богам других народов), но он еще утверждает, что кельты имели о названных им богах примерно то же понятие, что и другие народы (в первую очередь он подразумевал, конечно, римлян). В действительности же, Цезарь просто представил римскую интерпретацию известных ему фактов, сведя изобилие и разнообразие галльской мифологии к условной схеме, имеющей своим источником устройство римского божественного пантеона. Сообщение Цезаря содержит два ошибочных положения. Во-первых, оно подразумевает существование пантеона богов, которых почитали более или менее повсеместно по всей Галлии. Во-вторых, в нем говорится о четком разделении функций между богами, для подтверждения которого нет свидетельств в кельтской традиции.

Среди множества божественных имен, представленных посвятительными надписями, происходящими из римской Галлии, большинство встречается только один раз, а те, которые встречаются чаще, имеют тенденцию группироваться

по определенным округам и районам. Некоторые из имен божеств, имевших местное значение, дают ясное представление о связи божества с определенной племенной группой: например, Бригантия и Трикория — это богини бригантов и трикоров. И в сагах ульстерского цикла встречаются примеры клятвы-формулы, которая вызывает к богу племени: «Я клянусь богам, которым клянется мое племя» [1]. Поэтому некоторые ученые говорят о множественности кельтских богов и о местном характере их культов. Так, Я. Филип считал, что кельтский партикуляризм процветал не только в политической, но и в религиозной жизни и у каждого племени были свои местные боги и культы [2]. Ж. Вандри писал «о номенклатуре местных божеств», которая не позволяет различить «даже и следа великих общих богов всех кельтских народов» [3].

Однако многочисленность имен еще не означает множественности божеств. Ф. Леру и Х. Гионварк полагают, что каждое галльское общество в том регионе, которому оно принадлежало, обладало многими десятками имен, функциональных, локальных или ситуативных. По их мнению, те имена, которые сохранились в посвящениях, представляют лишь самую ничтожную часть реальных галльских теонимов, так как каждое божество, как в Индии, могло иметь несколько десятков миллионов возможных имен [4]. В этом утверждении есть известная доля преувеличения. Однако островная традиция кельтов также дает много примеров образов крупных кельтских божеств, известных под разными именами. Хотя для кельтов были важны местные и племенные культы, но из этого не следует, что у них отсутствовали боги более широкого значения и культы. В самом деле, трудно себе представить, чтобы такие великие боги ирландских кельтов, как Луг и Дагда, были всего лишь местными божествами. К тому же, имеющиеся свидетельства не дают представления о таком разделении божественных функций, на которое указывает Цезарь. Племенные боги были поливалентны, они исполняли различные функции, и нет оснований предполагать, что за каждым из них была закреплена какая-то определенная сфера человеческой деятельности, как это было с римскими богами.

По этим причинам некоторые исследователи считают, что многочисленные божественные персонажи, засвидетельствованные надписями, археологическими памятниками, литературной традицией, могут быть сведены воедино, поскольку все они являются различными проявлениями единого верховного божества бесконечного, безличного, имеющего много образов и много функций [5]. И нужно сказать, что существуют некоторые основания для такой теории о едином великом божестве, появляющемся под разными именами и формами. Например, знакомясь с источниками, можно заметить, что различные божества выполняют

* Широкова Надежда Сергеевна - доктор. ист. наук., проф. СпбГУ

сходные функции и что четко дифференцированного разделения богов «по департаментам», как в греко-римской религии, у кельтов нет. Кроме того, можно заметить, что в различных ситуациях один из нескольких богов может явно главенствовать над другими. Несмотря на все это, считается неясным, были ли кельты предрасположены к монотеизму и, если были, то — до какой степени. Нельзя не заметить, что если кельты были монотеистами в душе, то они успешно скрывали это, не только дробя образ своего единственного верховного бога на множество богов более мелкого ранга, но и наделяя некоторых из них убедительной и яркой индивидуальностью.

Однако даже такие классические политеисты, какими были греки и римляне, имели верховного бога, который главенствовал над всеми остальными. Поэтому попытаемся и в кельтской религиозно-мифологической традиции выявить черты и образ верховного кельтского божества. Чтобы не заблудиться среди этого множества божественных имен и прозвищ, скульптурных изображений, литературных образов, мы опять возвратимся к свидетельству Цезаря и скажем несколько слов в его защиту. Если взглянуть в него несколько пристальнее, то оно уже не кажется таким поверхностным, как на первый взгляд. Оказывается, Цезарь лишь отчасти доверял точности собственных определений галльской религии.

Он отметил, что кельты имели о богах «почти» такие же понятия, как и другие народы, то есть, что их понятия, несмотря на некоторое общее сходство, все-таки отличались от взглядов римлян. И в этом, добавлял он немного дальше, они отличаются от германцев, которые чтут только тех богов, что у них перед глазами — то есть Вулкана, Солнце и Луну. Цезарь, возможно, знал хотя бы некоторые из многочисленных имен и прозвищ галльских богов, и, должно быть, его привел в замешательство столь широкий выбор [6]. Тогда он дал схематическое описание галльской религии, которое могло быть понятно его римским читателям. Представленный им пантеон галльских богов является скорее типологическим указателем, чем списком индивидуальных божеств. В таком случае свидетельство Цезаря не так далеко отстоит от реальной ситуации, существовавшей в галльской религии его времени. Например, тот факт, что в его иерархии галльских богов «Меркурий» поставлен на первое место, а «Юпитер» на четвертое, свидетельствует о том, что его интерпретация галльской религии не была чисто механической.

Утверждение Цезаря, что Меркурий был самым великим богом галлов, подтверждается большим числом документов, свидетельствующих о его культе в римской Галлии. Надписи (440), статуи и барельефы (350), бронзовые статуэтки, культовые места, посвященные Меркурию, гораздо более многочисленны, чем подобного рода памятники, относящиеся к любому другому богу. На долю Галлии приходится две трети документов, касающихся Меркурия, которые были обнаружены во всех лагунских провинциях [7]. Его колоссальная статуя, воздвигнутая в центре страны, была одной из самых больших в античном мире. Арверны заказали ее скульптору Нерона Зенодору, который работал над ней десять лет и получил за это баснословную сумму (Plin. H. N., XXXIV, 18, 45).

Многочисленные топонимы напоминают о культе Меркурия: Маркурай (в Вогезах), Меркёр (Коррез, От-Луар; Пюй-де-Дом), Меркуар (Лорез), Меркюрей (Саон-э-Луар), Маркурай (в Люксембурге), Меркор, Меркураго (Цизальпинская Галлия) и

многие другие. Некоторые названия указывают на то, что Меркурий особенно почитался на вершинах гор; например, Мон-Меркюр в Баржоне (область лингонов), Мон-Мартр в Париже, Меркуриусберг в Баден-Бадене. Прославлено было храмовое сооружение, посвященное Меркурию на горе Пюй-де-Дом, которое, как свидетельствуют раскопки, было воздвигнуто с исключительной роскошью: храм облицован редкими сортами мрамора, а крыша сделана из свинца. Не менее значительным был култ Меркурия на горе Донон, где его совместно почитали два племени: медиоматрики и левки [8]. В римской Галлии Меркурий изображался с обычными римскими атрибутами этого бога (кадуцей, кошель и т.д.).

В Галлии атрибутом Меркурия часто являлась змея [9]. Например, из раскопок святилища на Пюй-де-Дом происходит бронзовая голова змеи, хранящаяся в музее Клермон-Ферран. Бронзовая статуэтка Меркурия, найденная во Френс-ан-Сентуа (в Лоррене), изображает бога сидящим на скале с кошельком в правой руке в окружении змей. На стеле, носящей название «Триада из Данневи» (Бургонь), Меркурий представлен в виде безородного персонажа, с обнаженным торсом, обутого в крылатые сандалии. Он держит рог изобилия и чашу, к которой направляется змея, рядом с Меркурием — богиня-Мать и бог-трицефал. На алтаре Меркурия из Шалона змея соседствует с козлом, петухом и черепахой. По мнению Ф. Бенуа, в этих изображениях Меркурия змея является по преимуществу хтоническим символом, связанным с загробным миром. Так, алтарь из Шалона представляет собой надгробный памятник, погребальный характер которого подтвержден изображением налево от бога и над фигурой козла рогатой змеи, которая поднимается перед маленьким персонажем, держащим двумя руками, прижатые к груди, кубок и фрукты (Es-régandieu, III, 2132). Святилища Меркурия в Галлии часто окружены некрополями, как святилище на горе Донон, святилища Бланшфонтен и Мон-Меркюр в Баржоне, в области лингонов, святилище около Трира, оппидум которого, окруженный оградой, содержал «княжеские могилы» [10].

Может быть, именно хтонический аспект Меркурия, бога эсхатологических и мистических устремлений человечества, способствовал тому, что он стал самым великим богом Галлии. В то время, как другие боги римской Галлии чаще всего изображались в определенной, застывшей, условной позе, Меркурий испытал множество перевоплощений, которые делают его неузнаваемым, до такой степени «галлицизирующим», что он становится то богом, держащим в руке цветок мака, то рогатым богом, то скорчившимся богом, то богом с оленем, то богом-криофором (несущим на плечах барана), то богом в кашпошоне (cuculatus), то богом с колотушкой или с рогом изобилия, с серпом, с луком, с плектром, с собакой, со змеей. И все это атрибуты того же самого божества-покровителя мертвых. В народных верованиях магическая сила атрибутов Меркурия так велика, что даже самые обычные из них (кошель и кадуцей) фигурируют среди символов смерти на инталиях, изображающих голову умершего человека или скелет. Интересно изображение скелета, сидящего на амфоре с ногами, поставленными на колесо, в окружении атрибутов Меркурия и держащего в руке рог изобилия, наполненный цветками мака, который, как известно, является символом сна или смерти [11].

Нетрудно заметить, что в таком виде Меркурий римской Галлии не вмещается в узкие рамки римского бога, покровителя торговли. Исследователи уже давно указывали на то, что он имеет целый ряд галльских особенностей. Так, существуют изображения галльского Меркурия, которые совершенно отклоняются от канонов изображения этого бога в римском искусстве. На них Меркурий представлен как пожилой бородатый мужчина, одетый в галльскую куртку, с палкой в руке [12]. Неримской чертой является также то обстоятельство, что святилища Меркурия в Галлии часто располагаются на высотах.

Полуземный характер бога подтверждается надписями, которые снабжают Меркурия достаточно многочисленными прозвищами (приблизительно 24), скрывающими, вероятно, по большей части имя какого-то местного божества. Прозвища Арвернус или Арвенорикс, Думиас, Канетонненсис дают представление о том, что Меркурий является покровителем племени арвернов, горы Дом, деревни Канетоннум (Бертувиль, Эр). Прозвища Артайос («медвежий») и Моккус (древняя форма от бретонского мок-«поросенок») вводят Меркурия в круг символизма Медведя и Вепря. Прозвища Велланус и Адсмериус означают «Благосклонный» и «Поставщик (какой-либо продукции)».

С точки зрения П. Дюваля, галльская сущность Меркурия проступает также тогда, когда он изображается вместе с богиней. По большей части это Росмерта, имя которой содержит ту же основу, что и прозвище Меркурия Адсмериус, и означает «Поставщица (какой-либо продукции)» [13]. Особенно интересен случай, когда Меркурий, представленный на туземный лад с бородой, изображен вместе с Минервой [14], которая, согласно свидетельству Цезаря, хранила в Галлии секреты искусств и ремесел и обучала их практическому применению. Дело в том, что Цезарь называет Меркурия не только покровителем путешествий и торговли (это вполне в компетенции римского Меркурия), но и изобретателем всех искусств. И это уже черта не римская и не греческая, так как Меркурию или Гермесу всегда приписывали только два изобретения: лиры, сооруженной им из панциря черепахи, мер и весов. Изображение Меркурия с богиней, которая обеспечивала сохранение и плодотворное использование изобретенных им ремесел и искусств, еще более подчеркивало эту его функцию, которая являлась галльской по преимуществу [15]. Вполне естественно, что бог, исполнявший эту функцию, считался самым почитаемым богом Галлии, в которой так высоко было развито искусство ремесла. Как известно, кельты были превосходными металлургами, выдающимися корабельщиками и мастерами по изготовлению повозок, опытными ткачами и искусными плотниками. Прогрессивные методы, которые изобретательный и трудолюбивый народ применял для обработки богатой почвы Галлии, также находились в ведении этого бога, бывшего верховным покровителем всех мирных работ.

Здесь встает попутный вопрос о соотношении мирных и военных функций у верховного бога галлов. Исследователи уже давно отмечали, что в римской Галлии Меркурия иногда едва можно отличить от Марса. Еще К. Жюллиан высказал предположение, что Марс и Меркурий были двумя интерпретациями главного бога галлов [16]. Примерно то же самое утверждал П. Ламбрехт, который считал, что в Галлии Марс и Меркурий не имели ничего общего с их

римскими омонимами и что оба бога смешивались друг с другом [17]. Однако в этом смешении перевес был на стороне Меркурия. Я. де Фриз, всегда осторожно взвешивающий свои суждения, высказался в том смысле, что именно галльский бог торговли имел также и военные функции [18]. М. Л. Сжостед и П. Дюваль уточнили это соотношение. С их точки зрения, в божественном мире кельтов «технический» элемент преобладал над военным [19].

В то же время большой археологический материал, собранный Ф. Бенуа и представляющий многочисленные изображения галльского Меркурия, показывает, что его «техническая» функция как бога-изобретателя и покровителя искусств и ремесел уступала по значению функции магическо-хтонической, благодаря которой он был знатоком магии и астрологии, проводником душ умерших и, наконец, богом-покровителем мертвых. Эта черта роднит его с архаическим Гермесом «элементарной» религии Средиземноморья и является ключом к его образу [20].

Уже давно было замечено, что среди кельтских богов имеется один, который может быть отождествлен с галльским Меркурием Цезаря. Это бог Луг. Луг был панкельтским божеством. Его теоним является панкельтским, он встречается в галльских основах, особенно топонимических (Lugu-) [21]. Насчитывается не менее пятнадцати мест, которые в древности назывались «Лугдунум». Среди них: Лаон, Сент-Лизье в Галлии, Легница в Силезии, Лейден в Голландии, Карлайл в Англии в римское время назывался Лугуваллум [22]. Важно отметить, что то же самое название «Лугдунум» носил город, ставший самой блестящей из римских колоний в Галлии, которую Август сделал столицей Трех Галлий — современный Лион. Город был застроен роскошными зданиями. В частности, там был воздвигнут великолепный, величественный алтарь, посвященный Риму и Августу, который был торжественно открыт в 12 г. до н.э. Вблизи города, на горе Фурьер, с которой открывается прекрасный вид на альпийскую горную цепь, уже в кельтское время было святилище бога Луга. Лугдунум и означает «холм бога Луга» или «посвященный Лугу, высокий, укрепленный город» [23].

То, что городу, который Август возвысил до центра Галлии, было оставлено его кельтское имя, символично. В этом можно видеть косвенное доказательство того, что Луг — это галльский Меркурий Цезаря. Известно, что Август питал личное пристрастие к Меркурию, и в Галлии его времени имя императора часто присоединялось к имени Меркурия. В данном случае личные вкусы и политика императора счастливо совпадали: бог главного города Галлии был любимым богом императора — Меркурием [24]. Слияние с императорским культом привело к тому, что его главный праздник в Лугдуне приходился на 1 августа. Однако в тот же день в Ирландии справлялся праздник бога Луга.

Псевдо-Плутарх передает легенду, согласно которой при закладке Лугдунума с неба слетели вороны, облетели все вокруг и расселись на деревьях. При этом он замечает: «Ведь Лугом они на своем наречии называют ворона» (Pseudo-Plut., De fluviis, 6, 4). В Лионе были найдены три медальона, изображающие гения Лиона, у ног которого сидит ворон, а также монеты с изображением ворон [25]. Ворон, будучи хтонической птицей, указывает на связь Луга с потусторонним миром. Эта черта сближает его с галльским Меркурием, магическо-хтоническая

функция которого была, может быть (как мы видели выше), определяющей в характере этого бога.

Кроме того, так же, как Меркурий, которого Цезарь называет изобретателем всех искусств, в ирландских сагах Луг является знатоком многих искусств и ремесел, в связи с чем он имеет прозвище Самилданах, которое означает «опытный во многих искусствах одновременно».

В саге «О битве при Маг Туиред» рассказывается о том, как юный Луг, пришедший во дворец Нуаду, подвергся допросу привратника, желавшего знать, каким ремеслом он владеет: «И спросил привратник Самилданаха:

— Каким ремеслом ты владеешь? Ибо не знающий ремесла не может войти в Тару.

— Можешь спросить меня, — отвечал Луг, — я плотник.

— Ты нам не нужен, — молвил привратник, — есть уже у нас плотник, Лухта, сын Луахайда.

— Спроси меня, о привратник, я кузнец, — сказал Луг.

— Есть между нами кузнец, — ответил привратник, — Колум Куалленех, человек трех невиданных приемов.

— Спроси меня, я герой, — сказал Луг.

— Ты нам не нужен, — ответил привратник, — воитель могучий есть в Таре, Огма, сын Этлиу.

— Спроси меня, я играю на арфе, — снова сказал Луг.

— Ты нам не нужен, ибо есть уже среди нас арфист, Абкан, сын Бикелмоса, что был призван из сидов людьми трех богов.

— Спроси меня, — молвил Луг, — я воитель.

— Не нужен ты нам, — ответил привратник, — в Таре бесстрашный Бресал Эхарлам, сын Эхайда Баетлама.

Снова Луг молвил:

— Спроси меня, я филид и сведущ в делах старины.

— Нет тебе места среди нас, — отвечал тот, — наш филид Эн, сын Этомана.

И сказал Луг:

— Спроси меня, я врачеватель.

— Ты нам не нужен, — ответил привратник, — Диан Кехт среди нас врачеватель.

— Спроси меня, — снова сказал он, — я кравчий.

— Ты нам не нужен, — ответил привратник, — ибо кравчие наши Делт, Друхт, Дайте, Тае, Талом, Трог, Глен, Глан и Глизи.

— Спроси меня, — сказал Луг, — я искусный медник.

— Ты нам не нужен, есть среди нас уже Кредне.

И тогда снова заговорил Луг:

— Спроси короля, — сказал он, — есть ли при нем человек, что искусен во всех тех ремеслах. Если найдется такой, то покину я Тару.

Направился привратник в королевские покои и обо всем рассказал королю.

— Юный воин пришел ко входу в Тару, — сказал он, — что зовется Самилданах. Все, в чем народ твой искусен, постиг он один, человек всех и каждого дела» [26].

Диалог Луга с привратником раскрывает ряд общих черт, которые он имеет с галльским Меркурием. Так же, как галльский Меркурий, Луг владеет самыми разнообразными ремеслами. В качестве мага и чародея Луг опять напоминает галльского Меркурия с его магическо-хтонической

функцией. Как и у Меркурия магические функции Луга переплетаются с военными: он воитель, герой и отец героев (особенно Кухулина). Однако Луг имеет также функции, которые выводят его за пределы схематизированного образа Меркурия, известного по сообщению Цезаря, по надписям и скульптурным изображениям, но не имеющего за собой мифа и поэтому не раскрывающего во всей полноте образа верховного кельтского бога.

Чтобы восполнить этот пробел, Луга и галльского Меркурия часто и не без основания сравнивают с Одином — верховным богом германо-скандинавской мифологии. Один — великий маг. Он подвергся суровой инициации, когда, принеся себя в жертву, пронзенный собственным копьем, девять дней висел на мировом древе Игдрасиль. После этого он утолил жажду священным медом из рук великана Бельторна и получил от него руны-хранители магии букв и самых могущественных секретов. Кроме рун, Один владеет всеми формами магии. Он является ясновидящим. Этот дар был обеспечен и символически выражен увечьем, которое, кажется, Один сам себе причинил: он отдал один глаз в уплату за медовый источник всей мудрости мира. Таинственная мудрость Одина неотделима от не менее таинственного поэтического вдохновения: мед, который источает источник мудрости, иногда прямо называется медом поэзии [27]. Соответственно Один мыслится как бог поэзии, покровитель скальдов.

Один связан с потусторонним миром. Голова мудреца Мимира, которую он брал с собой, рассказывала ему вести из других миров. Иногда он вызывал мертвецов из-под земли или сидел под повешенными, поэтому его называли владыкой мертвецов или повешенных. На связь с потусторонним миром указывают также хтонические птицы, принадлежащие Одину: это два ворона — Хугин («думающий») и Мунин («помнящий»), которых Один научил говорить и которые, летая над всеми странами и мирами, рассказывали ему обо всем.

Магическо-хтонические функции Одина тесно переплетались с военными. Один использовал против врагов колдовские приемы, с помощью которых делал их слепыми или глухими, а их оружие переставало действовать. Самый эффективный из этих приемов состоял в том, что Один связывал врагов «военными путями», которые их зачаровывали и парализовали. Вдобавок Один часто выступал в сагах как арбитр сражений, одним жестом отнимая победу у тех, которым, казалось, она принадлежит, и осуждая на смерть воинов, оружия которых он касался своим оружием. Саги изображают Одина бросающим копьё в армию, обреченную на поражение, судьбу которой он отмечает таким образом. Копьё Одина, не дающий промаха Гунгир (символ военной власти и военной магии), является его постоянным атрибутом. Один, по-видимому, стал инициатором первой войны между асами и ванами, метнув копьё в войско ванов.

Такое переплетение военных и магическо-хтонических функций в образе Одина напоминает галльского Меркурия и Луга. Кроме того, у Луга есть еще особенности, роднящие его с Одином: это — и принадлежащая ему хтоническая птица-ворон, указывающая на его сильную, как и у Одина, связь с потусторонним миром, это — и то, что он — филид и покровитель поэтического искусства, как Один — покровитель скальдов. В битве при Маг Туиред, являясь верховным полководцем войска Туата Де Дананн, Луг играет такую же выдающуюся роль, как Один в войне против асов и ванов. Оба бога

обладают чудесными магическими копьями. Один, применяя в битве магию, в десятки раз увеличивает силу своих воинов. Луг также укрепляет свое войско с помощью магических приемов. Когда он принимает свою знаменитую ритуально-магическую позу («стоя на одной ноге и прикрыв один глаз»), он тоже напоминает Одина, который имеет только один глаз. Вообще в битве при Маг Туиред, особенно в поединке с устрашающим вождем фоморов Балором, Луг, выступая его достойным противником и побеждая его, являет черты сильного военного бога. Недаром у него было прозвище Лоннбейменех, то-есть «тот, который яростно бьет» [28].

У Луга была еще одна важная черта сходства с Одином. Один являлся богом земных царей, контролировавшим их силу. Когда он требовал иногда человеческих жертвоприношений, то в жертву ему приносили почти исключительно царей, которые более не обладали достаточной силой, чтобы доставлять обильные урожаи своей стране. Во время торжественных возлияний скандинавы пили за Одина, чтобы он даровал победу и силу царю [29]. Один был также царем богов и вообще их отцом (у него было прозвище Альфёдр — «всеотец»).

Луг входил в число богов-королей: «Таковы были их короли, князья, друиды и художники: Нуаду, Брес, Луг, Дагда, Делбаэх, Фиакна, Бриан и Иухар и Иухарба, три бога Дана, то-есть три друида, по которым названы Туата Де Дананн, и Мак Куйлл, Мак Кехт, Мак Грейне, три последние короля Туата Де Дананн...» [30]. В этом тексте великие боги кельтского пантеона (Луг, Дагда, Нуаду) беспорядочно перепутаны с другими персонажами из мифологического цикла (Брес, Делбаэх, Фиакна) и с богами — держателями земной королевской власти (Мак Куйлл, Мак Кехт, Мак Грейне). Из этой последней триады для нас интересен Мак Грейне, о котором другой отрывок из «Книги Захватов» сообщает дополнительные сведения: «Мак Грейне шел затем; солнце было его богом, Кетаур было его имя, Эрniu была его жена». [31]. Полагают, что имя Мак Грейне является прозвищем Луга в его солнечном аспекте, а его супруга была королевой и олицетворением Ирландии. Таким образом, между Лугом и королевской функцией, то-есть верховной властью Ирландии, существовала самая непосредственная и тесная связь [32].

Еще более отчетливо природа отношений между Лугом и королевской властью проявляется в саге, рассказывающей о приключениях и путешествиях Конна, короля Тары. Однажды Конн со своими тремя друидами и тремя филидами отправился перед восходом солнца в королевскую крепость Тары... И вдруг они увидели, как на них опускается большое облако, так что они не знали больше, куда им идти: такая наступила полная темнота. После этого появился всадник и трижды метнул в них копьё. В последний раз брошенное копьё пришло гораздо быстрее, чем в первый. «Поистине, это королевская рана, — сказал друид, — кто бы ни был тот, кто поразил Конна из Тары».

Тогда всадник перестал бросать копьё, подъехал к ним, приветствовал Конна и увел его в свой дом. Они поехали вперед и выехали на прекрасную поляну. Там они увидели королевскую крепость, у входа в которую росло золотое дерево, красивый дом с крышей из белой бронзы.

Они вошли в дом, и там перед ними предстала прекрасная молодая девушка с золотой диадемой на голове. Возле нее стоял серебряный котел с

золотыми ручками, и он был полон красного пива, а рядом золотая ваза. Девушка поднесла золотой кубок к губам. Увидели они перед собой самого воителя, сидящего на золотом троне. Не нашлось бы в Таре человека, который превзошел бы его ростом, любезностью, красотой внешнего вида и нездешним выражением лица.

Он заговорил с ними и сказал: «Я не воитель в действительности, и я тебе открою нечто из моей тайны и моей славы: уже после смерти я пришел, и я из рода Адама. Вот мое имя: Луг, сын Этхленна, сына Тигернмаса. Я пришел, чтобы открыть тебе судьбу твоей собственной верховной власти и каждой верховной власти, которая будет в Таре». Молодая девушка, которая находилась перед ним, была вечная верховная власть Ирландии.

Молодая девушка дала Конну две вещи: часть бычьей туши и часть свиной туши. Когда девушка начала распределять подарки, она спросила: «Кому будет дан этот кубок?». Воитель ответил, что будет назначаться верховная власть, начиная с Конна и далее — вечно. Они вышли из тени воина и не увидели больше ни крепости, ни дома. Остались у Конна золотая ваза и кубок... [33].

Таким образом, Конн приходил во дворец Луга за королевской инициацией. Луг предстает в этой саге как примордиальный человек, бог-царь, от имени которого действует находящаяся в его дворце молодая и прекрасная женщина, являющаяся персонификацией верховной власти, вручая Конну королевские талисманы и угощая его красным пивом — напитком верховной власти и бессмертия.

Таким образом Луг так же, как Один, являлся богом-царем и богом земных царей. И он тоже контролировал силу земных королей. Когда король был изнурен властью и больше не мог гарантировать благо своей страны, тогда в ночь Самайна он подвергался ритуальной смерти, раненый насмерть врагом, утопленный в бочке вина или пива и сожженный заживо в пожаре королевского дворца. Эта ритуальная смерть посвящалась Лугу, во дворец которого земные короли приходили за королевской инициацией. Однако Один был прежде всего царем богов, главой пантеона. Луг занимал такое же место в мифологии ирландских кельтов. В саге о «Битве при Маг Туиред» Нуаду, сам бог-царь и король Туата Де Дананн, уступает ему свой трон: «Когда же проведаль Нуаду о многоискусности воина, то подумал, что поможет он им избавиться от кабалы фоморов. Принялись Племена Богини держать о нем совет, и порешил Нуаду поменяться местами с Лугом. Сел тогда воин на королевское место, и сам Нуаду вставал перед ним до исхода тринадцати дней» [34].

Так же, как великая ирландская богиня Бригита была тройной богиней, Луг тоже был тройным богом. В Ирландии существовала традиция, согласно которой у Луга было двое братьев: их звали «один Луг» и «другой Луг», но они умерли еще во младенчестве (эта легенда является выражением единства тройного бога). В Испании и в Швейцарии найдены надписи, посвященные «Луговес», — это множественное число от «Лугус» на древнем кельтском [35]. Кроме того, галльский Меркурий часто изображается как бог с тремя головами: одна голова смотрит прямо, другая — направо, а третья — налево. Таким образом, взгляд бога охватывает весь мир целиком.

Из тридцати известных изображений бога-трицефала некоторые снабжены атрибутами, которые не оставляют сомнения в его идентификации: кошелек, черепаха, баран — атрибуты покровителя

торговли и ремесла (галльского Меркурия, отождествляемого с ирландским Лугом).

Известные факты мифической биографии Луга также проливают свет на сущность этого бога. Его отцом был Киан, один из Туата Де Дананн, сын божественного врачевателя Диан Кехта, а матерью — Этне, дочь Балора, короля фоморов. Таким образом, по отцовской линии Луг происходил из расы богов, а по материнской — из расы демонов. Имя Этне — это всего лишь другая форма имени Этайн, и фактически мать Луга является той же самой богиней, которая была супругой бога Другого мира Мидира и которая

смешивается, в конечном счете, с тройной Бригитой, Богиней-Матерью всех ирландских богов. Однако Луг был воспитан не ею, а богиней Таильтиу. Эта вторая мать Луга является женой Эоху, короля Фир Болг, и это связывает Луга с еще одной мифической расой, которую Туата Де Дананн изгнали из Ирландии.

Таким образом, верховный бог кельтов, ведущий свое происхождение от всей совокупности божественного мира, был всеохватывающим богом. Его образ являлся самой кельтской концепцией мира, тройственной и унитарной одновременно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mac Sana P. Celtic Mythology. London, 1973. P.23.
2. Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961. С.170.
3. Vendryes J. La Religion des Celtes // Les Religions de l'Europe ancienne. Т.III. Paris, 1948. P.273.
4. Гионварк Х., Леру Ф. Кельтская цивилизация. Пер. с фр. Г.В.Бондаренко, Ю.Н.Стефанова. СПб, 2001. С.158.
5. Lambrechts P. Contribution à l'étude des divinités celtiques. Brugge, 1942.
6. Гионварк Х., Леру Ф. Кельтская цивилизация. С.158.
7. Duval P.-M. Les dieux de la Gaule. Ed.2. Paris, 1978. P.69.
8. Vries J. de. Keltische Religion. Stuttgart, 1961. S.42.
9. Benoit F. Mars et Mercure. Nouvelles recherches sur l'interprétation gauloise des divinités romaines. Aix-en-Provence, 1959. P.137.
10. Benoit F. Mars et Mercure. P.151.
11. Ibid. P.154.
12. Vries J. de. Keltische Religion. S.44.
13. Duval P.-M. Les dieux de la Gaule. P.70.
14. Vries J. de. Keltische Religion. S.44.
15. Duval P.-M. Les dieux de la Gaule. P.28.
16. Jullian C. Histoire de la Gaule. V.II. Paris, 1908. P.119.
17. Lambrechts P. Contribution à l'étude des divinités celtiques. P.131, 145, 153.
18. Vries J. de. Keltische Religion. S.44.
19. Sjostedt M.-L. Dieux et héros des Celtes. Paris, 1940. P.32; Duval P.M. Les dieux de la Gaule. P.28.
20. Benoit F. Mars et Mercure. P.148.
21. Le Roux F., Guyonvarc'h Ch. Les Druides. Rennes, 1986. P.403.
22. Vries J. de. Keltische Religion. S.51.
23. Ibid. S.50.
24. Duval P.-M. Les dieux de la Gaule. P.71.
25. Jullian C. Histoire de la Gaule. V.II. P.252. N.6.
26. Битва при Маг Туиред. — Пер. С.В.Шкунаева // Предания и мифы Средневековой Ирландии. Москва, 1991. С.39.
27. Мелетинский Е.М. Один // Мифы народов мира. Т.2. Москва, 1997. С.242.
28. Vries J. de. Keltische Religion. S.52.
29. Dumézil G. Gods of the Ancient Northmen. Berkeley, 1973. P.26.
30. Le Livre des Conquêtes // Le Roux F., Guyonvarc'h Ch. Les fêtes celtiques. Rennes, 1995. P.149.
31. Ibid. P.148.
32. Le Roux F., Guyonvarc'h Ch. Les Druides. P.396.
33. Baile in Scail // Le Roux F., Guyonvarc'h Ch. Les fêtes celtiques. P.146–149.
34. Битва при Маг Туиред. — Пер. С.В.Шкунаева // Предания и мифы Средневековой Ирландии. С.40.
35. Vendryes J. La Religion des Celtes. P.279.

УДК 94 (495.01)

ББК 63.3(0)3

К ПРЕДЫСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКИХ МЕТОНОМАСИЙ В VIII-XV ВВ.

Круглов Е.А.*

Когда в первые века н.э. в условиях Великого переселения народов целый ряд некогда действительно варварских этно-массивов «вдруг» стал выходить на авансцену истории и играть в ней роли отнюдь не статистов, жители Ромейской державы, окруженные этим миром и имея с ними контакты широкого спектра (от военно-враждебных до мирно-торговых и даже брачно-династических), тем не менее еще долго продолжали именовать

этот мир в традиционных терминах античного наследия. Объясняют это, как правило, претензией на преемственность Византией традиций античной Эллады [1] либо же ее подспудным желанием не замечать объективно шедших вокруг изменений этнополитического порядка.

Но династические браки элиты мало влияли на сознание рядовой массы ромеев, где, по словам З.В.Удальцовой, сохранился стереотип

* Круглов Евгений Анастасович - канд. ист. наук., доц. БашГУ

